28. Thelwall, M. (2017). Heart and soul: Sentiment strength detection in the social web with SentiStrength (summary book chapter). In: Holyst, J. (Ed.) Cyberemotions: Collective emotions in cyberspace. Berlin, Germany: Springer (pp. 119-134). doi:10.1007/978-3-319-43639-5_7
29. Thelwall, M., Buckley, K., Paltoglou, G. Sentiment strength detection for the social Web. // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2012. Vol. 63, Nr 1. P. 163-173.
30. Thelwall, M., Buckley, K., Paltoglou, G. [et al.] Sentiment strength detection in short informal text. // Journal of the American Society Science and Technology. 2010. Vol. 61, Nr 12. P. 163-173.

DOI 10.33065/978-5-907216-49-5-2021-328-334

***А.В. Проскокова,
аспирантка филологического факультета,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация***

КОННОТАЦИИ СЛОВА «СОЛОВЕЙ» В ПОЭЗИИ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

***Аннотация.** Поэзия Б. Ахмадулиной гармонично сочетает в себе традиции и авторскую уникальность, что связано с появлением индивидуальных коннотаций, которые еще недостаточно изучены на сегодняшний день. В статье предлагается рассмотреть новые, нетрадиционные значения слова «соловей», широко используемого поэтом в своих стихотворениях.*

Ключевые слова: поэзия, коннотация, традиция, соловей, образ-символ

***A.V. Proskokova,
Postgraduate of Philology Department,
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation***

CONNOTATIONS OF THE WORD "NIGHTINGALE" IN THE POETRY BY BELLA AKHMADULINA

***Abstract.** The poetry by B. Akhmadulina harmoniously combines traditions with authorial distinctiveness that is associated with individual connotations, which have not received any thorough scientific attention up to now. The article offers to consider new non-traditional meanings of the words "nightingale", widely used by the poet in her poems.*

Key words: poetry, connotation, tradition, nightingale, symbolic image

О творчестве Б. Ахмадулиной написано немало, но до настоящего времени не было подробно изучено такое явление в ее поэзии, как коннотация слова. Исследование в этом направлении позволяет выявить те изменения лексического состава языка, которые сказываются на процессе его эволюции, и в частности поэтического языка.

Б. Ахмадулина является ярким представителем поэзии 60-х гг. XX столетия, а ее имя входит в число самых значительных и популярных русских поэтов этого времени, среди которых были также известны Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Р. Рождественский и Б. Окуджава. Поэзия Б. Ахмадулиной отличается как самобытностью и оригинальностью, так и пристальным вниманием к традициям, литературному и культурному опыту своих предшественников. Появление Б. Ахмадулиной в литературе совпадает с эпохой «оттепели», когда поэзия была чрезвычайно востребована.

Обращение Б. Ахмадулиной к поэтическим традициям проявляется во многом, как в том, что в ее языке обнаруживаются старославянизмы и прочитывается старинный высокий слог периода золотого века, так и в том, что ее стихам присуща эстетика импрессионизма, характерная в большей степени для серебряного века.

Помимо всего прочего, тяготение Б. Ахмадулиной к традициям выражается в том, что в свои тексты автор включает элементы, составляющие устойчивый классический образ романтического пейзажа, символизирующего в разные эпохи возвышенные чувства или вызывающего подобные ассоциации. Важным элементом пейзажа в поэзии Б. Ахмадулиной, является образ-символ «соловей», который довольно часто используется автором в стихотворениях разных периодов написания. Например, это слово встречается в одном из ранних текстов (1954):

«...и что-то зазвучало,

застучало
в луною обмороженных кустах.
Гремело жарко,
часто,
бестолково,
росой холодной сыпалось с ветвей...
Я никогда не слышала такого.
Я поняла, что это соловей» [4, с. 3].

Коннотация слова «соловей» построена на основе завораживающих загадочных звуков природы («гремело жарко, часто, бестолково, росой холодной сыпалось...»), что, с одной стороны, традиционно в отношении описания образа птицы как природного символа, но с другой стороны, индивидуально, так как перечисляемые оттенки звучания соловья («жарко», «часто», «бестолково») характерны только для восприятия Б. Ахмадулиной. При этом одновременно выражается беспокойство, неуверенность и сомнение («и что-то зазвучало, застучало...»). В коннотации также заложена переменчивость настроения, которая проявляется в описании разной температуры, от жара («гремело жарко...») до холода («росой холодной сыпалось с ветвей...»). Озноб и холод закреплены также в присутствии еще одного не менее важного пейзажного образа луны («в луною обмороженных кустах...»).

В русской поэзии традиционные символы «луна» и «соловей» рисуют картину романтического пейзажа. В нее входят и такие образы, как «звезды», «месяц», «ночь», «прохлада», «сад», «ручей», «роза», «куст», «деревья» и т.д., и поэты XIX века регулярно обращались к этой цепочке символов, например, «...как с приближением зимы цветок спокойно умирает? Для нас он памятник живой, хотя он жизнью уж не дышит, не вспрыснут утренней росой и в полночь соловья не слышит...» (П. Вяземский) [7, с. 89]; «И чем ярче играла луна и чем громче свистал соловей...» (А. Фет) [7, с. 30]; «а вчера они при трелях соловья и при луне,

там летали на качелях, соблазнительно одне...» [1, с. 205] (Н. Языков). Б. Ахмадулина в этом отношении, с одной стороны, следует традициям, а с другой, используя ту же лексику («луна», «куст», «соловей»), но по-своему обыгрывая ее, создает совершенно новые смыслы.

Однако слово «соловей» у Б. Ахмадулиной не всегда встречается в качестве элемента устойчивого образа пейзажа. Например, в стихотворении «Немота» (1966) автор иначе раскрывает это слово, используя его в генетивной метафоре «слов соловьи»:

«Сколь достойны любви и хвалы,
март, простые деянья твои,
но мертвы моих слов соловьи,
и теперь их сады — словари» [4, с. 202].

Соловьи здесь будто символизируют голос поэта, слово, которое оживает в момент создания стихов, здесь автор противопоставляет рождение и смерть, где рождение равносильно появлению слова в поэзии, а смерть равносильна творческой немоте («мертвы моих слов соловьи...»). Если обычно сад символизирует место обитания соловьев, то у Б. Ахмадулиной местом обитания слов (соловьев слов) становятся словари, в которых слова зафиксированы как некая строгая система или набор знаков, еще не вовлечённых в речь, и только молча хранящихся в томах, будто автор пытается обратиться к ним, перебирает все существующие слова, но никак не может выбрать подходящее, отсюда, как следствие, возникает сожаление и отчаяние поэта. В финале стихотворения поэт просит, чтобы слова сами пришли к нему на помощь, говорит им о своей любви:

«А за то, что была так нема,
и любила всех слов имена,
и устала вдруг, как умерла, —
сами, сами воспойте меня» [4, с. 203].

Соловей, символизирующий слово, встречается и в других стихотворениях Б. Ахмадулиной, что говорит о том, насколько для автора важно развитие темы голоса поэта, преданности слову (1973):

«Ни слова о любви! Но я о ней ни слова,
не водятся давно в гортани соловьи.
Там пламя посреди пустого небосклона,
но даже в ночь луны ни слова о любви!» [4, с. 297]

Голос здесь сравнивается с соловьями, а немота равнозначна их молчанию («не водятся давно в гортани соловьи»). В этом же стихотворении снова повторяются известные образы «ночь» и «луна», с помощью которых автор как бы подчеркивает то, что для такого пейзажа были бы уместны разговоры о любви («но даже в ночь луны ни слова о любви»). Здесь, скорее, переплетаются традиционность пейзажа с его романтической любовной атмосферой и ахмадулинское впечатление от него («Луну над головой держать я притерпелась... Но в нынешней луне – бессмысленная прелесть и стелется Арбат пустыней белых дюн...»), когда не хочется говорить о любви, Арбат кажется пустыней, а пейзаж и вовсе бессмыслен, и соловьи больше не поют. Б. Ахмадулина будто и вовсе не воспринимает разговоры о любви всерьез: «Лепечет о любви сестра-поэт-певунья – вполглаза покошусь и усмехнусь вполрта». В завершении поэт будто сожалеет об ушедших когда-то чувствах или размышляет о том, было ли чувство вообще («Те двое под луной – неужто ты и я?»).

Подобная традиционность образов встречается и в следующих строчках Б. Ахмадулиной, которая и сама утверждает, что перечисляемые символы являются чем-то хорошо известным, «стародавним», а ее стихи – это нечто новое и непонятное (1985):

«Ночь, соловей, луна, цветы —
круг стародавних упований.
Преуспеянью новизны

моих не нужно воспеваний...

Не признавайся, соловей,
не растолковывай, мой дальний,
в чём смысл страдальческой твоей
нескладицы исповедальной» [5, с. 269].

Соловей предстает здесь символом страданий, исповеди, совести, появляясь при этом в классическом для него пейзажном окружении (ночь, луна, цветы), причем образы луны и сада возникают на протяжении всего текста стихотворения: «пока садовник учинял сад...», «чудо-лунность...», «ночь белая и часть луны над Ладогою хладноводной...» «моя сирень», «растений многожды лиловых», «...то маргариток говорок, то орхидеи архаичность», «фиалки, водосбор, люпин...». Б. Ахмадулина перечисляет всевозможные виды растений, любимых ею, в чем и заключается обновление традиционного образа сада, в котором, как правило, цветут только розы и поет соловей, здесь же это уже не одни розы, а многие другие цветы. Б. Ахмадулина обращается к соловью, как к другу («не растолковывай, мой дальний, в чем смысл...»), в чем проявляется сокровенность и интимность чувств, доверительность. Созданный поэтом образ ночного сада, в котором много цветов и поют соловьи, предположительно является символом того места, где автор чувствует себя наиболее свободно: «А в комнате, где правит стол, есть печь – серебряная львица.

И соловьиный произвол
в округе белонощной длится» [5, с. 268].

Автору неважно, как будут поняты его стихи, а соловей, символизирующий поэзию и личные душевные переживания («страдальческой твоей нескладицы исповедальной»), не обязан объяснять в чем смысл исповеди и читатель, возможно, найдёт его сам:

«Пусть всяко понимает всяк
слогов и пауз двуединость,

утайки маленькой пустяк –
заветной тайны нелюдимость» [5, с. 269].

В своем творчестве поэты часто обращаются к образам природы, и Б. Ахмадулина в этом смысле не исключение. Часть коннотаций, содержащихся в слове «соловей», можно отнести к общеязыковым, поскольку автор, с одной стороны, использует семантику этого слова в контексте устойчивого пейзажа («в луною обмороженных кустах», «ночь, соловей, луна, цветы», «двое под луной»), хотя одновременно и отступает от этих традиций («...но даже в ночь луны ни слова о любви»), как бы отрицая возможность романтизации действительности. С другой стороны, в слове «соловей» обнаруживаются индивидуальные ахмадулинские коннотации, такие как соловей – беспокойство, неуверенность, сомнение, соловей – переменчивость настроения, соловей – словарное слово, молчание соловья – молчание поэта, соловей – друг поэта и символ поэзии, песня соловья – исповедь. Обнаруженные в этих стихотворениях коннотации позволяют убедиться в том, что поэзия Б. Ахмадулиной – это переплетение традиционности и новизны, где автор переосмысляет то, что давно стало традицией, и на основе этого создает нечто индивидуальное.

Литература:

1. Азбукина А. В. Семантические различия в использовании образа соловья в поэзии 1-й половины XIX века (эмблема и символ) // Сопоставительная филология и полилингвизм: сб. науч. тр. / Казан. гос. ун-т, филол. фак.; под общ. ред. А. А. Аминовой, Н. А. Андрамоновой. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. С.205–214.
2. Алешка Т. Творчество Б. Ахмадулиной в контексте традиции русской поэзии. – Мн.: РИВШ БГУ. 2001. – 124 с.
3. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян // Избр. труды. М., 1995. – Т. 1. 481 с.
4. Ахмадулина Б. А. Друзей моих прекрасные черты ... / Белла Ахмадулина. – М.: Астрель: Олимп, 2009. – 507, [5] с.
5. Ахмадулина Б. А. Ночь упадания яблок / Белла Ахмадулина. – М.: Астрель: Олимп, 2010. – 511, [1] с.
6. Рожникова Е. Л. 100 и 1 стихотворение, которое надо знать / сост. Е. Л. Рожникова. – Москва : РГ-Пресс, 2021. – 192 с.
7. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. 141 с.